

А. Л. Зелинский

Еще раз о Коринфе и учреждении культа Птолемея I на Родосе¹

В рамках VIII международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины», проходившей 9–10 ноября 2012 г. в Харькове, мною был прочитан доклад на тему: «Возможная причина воздаяния божеских почестей Птолемею Сотеру родосцами». Почти в это же время данная тема нашла свое отображение и на страницах моей публикации «Обожнения Птолемея I родосцами: співвідношення заслуг і винагороди», увидевшей свет в декабрьском номере журнала «Східний світ» за тот же год. В рамках вышеупомянутых доклада и публикации мною было оспорено общепринятое представление о причине учреждения родосцами культа в честь царя Египта Птолемея I Сотера. Согласно данному представлению, Птолемей был удостоен божеских почестей в знак признательности за довольно ограниченную материальную и военную помощь, оказанную последним во время осады упомянутой островной республики, проводимой в 305–304 гг. до н. э. Деметрием Полиоркетом [1, S. 109–110; 2, S. 339; 3, p. 51–52; 4, p. 170; 5, S. 58; 6, p. 271–273; 7, p. 22, 93; 8, S. 191; 9, S. 92; 10, p. 355–356; ср.: 11, с. 108 прим. 58]². Согласно же предложенной мною гипотезе, первоочередную причину обожествления александрийского властителя следует усматривать в передаче им во владение тогдашнему правителю Македонии Кассандру города Коринфа; исходя из воссозданной мной реконструкции событий, именно данная уступка побудила Кассандра к активизации боевых действий в Аттике, что, в свою очередь, вынудило Деметрия прекратить осаду Родоса и заняться греческими делами. Таким образом,

¹ Выражаю искреннюю признательность канд. ист. наук К. Ю. Нефедову (Харьков) за горячее участие в обсуждении данного сюжета. При этом, ответственность за все выводы, сделанные на страницах этой публикации, несу исключительно я.

² Предположение К. Ю. Нефедова, согласно которому помощь Птолемея родосцам послужила островитянам лишь поводом для приравнивания дружественного им правителя и выгодного экономического партнера к Антигону Монофталму и сыну последнего, вышеупомянутому Деметрию Полиоркету [11, с. 109–111], представляется мне неудовлетворительным. Как верно отметил в частном письме сам харьковский исследователь, родосцы, чье благосостояние базировалось на посреднической торговле, были заинтересованы в возникновении на развалинах империи Александра Великого как можно большего количества независимых государств. Исходя из этого, в свете теории К. Ю. Нефедова, родосцы должны были бы способствовать обретению божественного статуса всеми претендентами на наследие Александра. Однако, как известно, этого не произошло. Кассандр и Лисимах, подобно Птолемею претендовавшие на царский статус [12, S. 93–107; 13, p. 74–75; 14, p. 172–175; 15, p. 56–57; 4, p. 160–161; 7, p. 20–22; 8, S. 184–185, 191], в благодарность за оказанную ими во время осады материальную помощь, были удостоены родосцами лишь тривиального воздвижения статуй (Diod. XX. 100).

совершенно экстраординарное деяние Птолемея, по сути, спасшее Родос, вполне могло в глазах жителей острова подпадать под определение божественного [16, с. 50–51; 17, с. 49–55].

К сожалению, уже после появления публикации в «Східному світі», мною был обнаружен еще один небезинтересный аргумент в пользу вышеупомянутой гипотезы, делающий ее более обоснованной. Речь идет об одном из элементов так называемой Великой Процессии, организованной сыном и приемником Птолемея I Сотера, Птолемеем II Филадельфом во время одного из празднеств, раз в четыре года проводившихся в память основателя династии¹. Рассказ об упомянутой процессии, составленный Калликсеном Родосским, дошел до нас в пересказе Афиней из Навкратиса (Athen., V, 196a–203b). Как мы знаем, данное действо включало в себя ряд церемониальных и религиозных шествий (Ibid., V, 197c–202f), демонстрацию экзотических животных (Ibid., V, 200c–201c, 201f), военный парад (Ibid., V, 202f–203a), различные состязания (Ibid., V, 203a), массовую раздачу угощений простому люду [ср.: 18, р. 29, 31, 35, 190; 19, р. 370–371], а также праздничный банкет, устроенный царем для почетных гостей фестиваля (Athen., V, 196a–197c), прибывших из разных уголков эллинской ойкумены [ср.: 18, р. 31–34, 150, 182–183; 19, р. 369–370, 372, 378].

В современной историографии, события, описанные родосским писателем, как правило, относят к одному из первых трех фестивалей, проводимых в честь Птолемея Сотера, припадавших, соответственно, на 279/278, 275/274 и 271/270 гг. до н. э. [18, р. 183–185; 20, р. 90–104; 19, р. 381–388; 7, р. 39; 8, S. 323; 21, р. 2 not. 5–6; 22, р. 406 not. 17; 23, р. 156 not. 25; 24, р. 65 not. 42]². По моему же мнению, наиболее вероятным является второй вариант датировки [ср.: 20, р. 90–104; 7, р. 39; 8, S. 323]. С одной стороны — на это указывает отсутствие в описании процессии какого-либо упоминания о женах Птолемея II — Арсиное I (Schol. Theocr., 17, 128; Paus., I, VII, 3) и Арсиное II (Cal. {ed. Pfeiffer}, Fr. 392; Theocr. Idyl., XVII; P. Haun. № 6, fr. 1; Schol. Theocr., 17, 128; Paus., I, VII, 1; 3; IX, XXXI, 1; Plut., Quaest. Conv., IX, I, 2; idem, De Lib. Ed., 14; Lucian., Icar., 15; Herodian., I, III, 3; Athen., XIV, 620f–621a), свидетельствующее о том, что интересующее нас событие происходило в период между первым и вторым браками александрийского властителя [ср.: 18, р. 39–43, 202–208; 27, S. 202–205]³; с другой

¹ Детальнее об учреждении и характере этого праздника, именуемого Пентетерии либо Птолемайя, см. нп: [25, S. 50–56; 19, р. 365–388; 8, S. 320–321].

² По мнению Р. Хеззерда, Великую Процессию Птолемея Филадельфа следует датировать 262-м г. до н. э. [26, р. 47–81]. Однако, данное предположение равно, как и вся гипотеза Р. Хеззерда об учреждении Филадельфом в 263/262-м г. до н. э. Эры Сотера [26], частью которой оно является, пестрит натяжками и сугубо умозрительными построениями [ср.: 11, с. 118; а также прим. 2 на стр. 23 данной статьи].

³ Развод Птолемеем II с Арсиноей I (Schol. Theocr., 17, 128; ср. Diog. Laert., VII, 186) вероятно состоялся ближе к концу 275 г. до н. э. Во всяком случае, на основании одной из кипрских надписей, датированной 11-м годом царствования Птолемея II (275/274 г. до н. э.), можно судить, что на тот момент или немногим ранее она еще пребывала в качестве царской супруги. В пользу данного положения вещей свидетельствует то обстоятельство, что автор надписи, некий Ятонбаал, ставит себе в заслугу жертвоприношение, сделанное им ранее за Птолемея II и за его жену [30, р. 71–72; ср.: 31, р. 188–189]. В свою очередь, Арсиноя II впервые названа супругой упомянутого александрийского властителя лишь в связи с событиями 274/273 г. до н. э., когда она, согласно свидетельству Первой Пифомской стелы, сопровождала Птолемея II во время инспектирования военных укреплений на восточной границе Египта [18, р. 42; 20, р. 102; 32, S. 53; 7, р. 40; 8, р. 269; ср. 34, р. 158 not. 32]. Отсутствие же упоминаний Арсинои II во время подобных торжеств, состоявшихся после ее смерти — 270 или 268 гг. до н. э. [27, S. 287, 328; 33, р. 139–150; 34, р. 104–105, 168 not. 192–194, 169 not. 2] — ввиду беспрецедентного распространения культа последней [34, р. 106–134], также представляется маловероятным.

же стороны, присутствие в оформлении шатра, предназначенного для царского пира с привилегированными гостями фестиваля, позолоченных щитов галатского типа (Athen., V, 196f) [ср.: 28, S. 136; 29, p. 175–177]¹, символизирующее подавление Птолемеем II мятежа галатских наемников, имевшего место во второй половине 275-го г. до н. э. (Cal., Numn., IV, 186–187; Schol. In Cal., IV, 175–187; Paus., I, VII, 2)².

Заинтересовавший меня фрагмент описания Великой процессии Птолемея Филадельфа выглядит следующим образом: «Следом — на четырехколесной повозке — везли Диониса-просителя, спасающегося от преследований Геры у алтаря Реи. Он был в золотом венке; рядом стоял в золотом венке из плюща Приап. На статуе Геры была золотая диадема. Далее стояли статуи Александра и Птолемея, стоявшие на площадях венками из золота. Статуя Добродетели, стоявшая близ Птолемея, была увенчана золотым венком из листьев оливы. Приап, стоявший подле них, также был увенчан золотым венком из плюща. Возле Птолемея стояла также статуя города Коринфа, увенчанная золотой диадемой. Рядом стоял поставец для киликов, полный золота, а также золотой кратер, вмещавший пять метретов. За этой колесницей шли женщины в нарядных плащах с дорогими украшениями — они олицетворяли города: некоторые — ионийские, а остальные — те эллинские, которыми прежде в Азии и на островах владели персы. Все они были в золотых венках» (Athen., V, 201c–e).³

В современной историографии существует несколько вариантов интерпретаций, целью которых является объяснение значения всей вышеперечисленной тематической группы в целом и персонификации Коринфа в частности. Так, наиболее распространенным объяснением появления образа Коринфа, сопровождаемого персонификациями эллинских полисов, идущими за колесницей, является его непосредственная связь со знаменитым Коринфским союзом времен Филиппа II и Александра Великого [39, p. 219–220; 40, p. 60–61; 5, S. 318; 19, p. 375; 7, p. 39; 41, p. 237; ср.: 18, p. 102–107, 190–191; 8, S. 322 Anm. 135; 27, S. 145 Anm. 379]. Существует также точка зрения, согласно которой нахождение персонификации Коринфа рядом со статуей Птолемея I следует связывать с балканской кампанией, осуществленной последним в 308-м г. до н. э. и, собственно, позволившей ему на несколько лет овладеть вышеупомянутым полисом [18, p. 106–107; 20, p. 91]⁴. Кроме того, следует упомянуть еще одну, весьма причудливую интерпретацию, исходя из которой, на колеснице изображалась аллегория совершения Птолемеем I выбора между достойной и порочной жизнью⁵; при этом Коринф, известный своими гетерами, должен был олицетворять собой сладострастие [ср.: 18, p. 103–104; 19, p. 375 not. 39].

Однако ни одна из вышеприведенных интерпретаций, на мой взгляд, не является достаточно обоснованной. Прежде всего, как будет показано ниже, какой-либо акцент

¹ Я благодарен канд. ист. наук Ю. Н. Кузьмину (Самара), обратившему мое внимание на данное обстоятельство.

² Детальнее об этом событии см. [35, p. 170–171, 184–191; 13, p. 145–146; 36, p. 416; 37, p. 35–38; 5, S. 305–307; 7, p. 39]. О возможности более поздней его датировки см.: [8, S. 266–269; 38, p. 300].

³ Вышеприведенный перевод принадлежит Н. Т. Голинкевичу (Афиней. Пир мудрецов. В 15 кн. — М., 2004). Оригинальный текст и английский перевод данного фрагмента можно найти в работе Э. Райс «Великая процессия Птолемея Филадельфа» [18, p. 18–21]. Также мною использовался английский перевод, сделанный Ч. Янгом (1857 г.).

⁴ Подробнее об этой кампании см. (SIG, № 390; Diod., XX, 37; Plut., Demetr., 15; Polyaeen., VIII, 58; Diog. Laert., II, 115), а также [42, S. 186–188; 43, S. 49; 44, с. 47–48; 13, p. 69; 4, p. 145–146, 148; 7, p. 19; 8, S. 177].

⁵ Именно такой выбор, согласно истории, приписываемой Продику, якобы должен был сделать Геракл (Xen., Mem., II, 1, 21–32).

на политической или стратегической роли Коринфа играл бы не столько на руку Птолемеям, сколько на руку их потенциальным, а зачастую и реальным политическим конкурентам — Антигонидам.

Так, коннотации, связанные с Коринфским союзом представляются неуместными на основании того факта, что последняя на тот момент попытка возрождения данного политического образования, имевшая место в 302 г. до н. э. [8, S. 194; 15, p. 57], была осуществлена отнюдь не Птолемеем I¹, а недругом Египта — вышеупомянутым Деметрием Полиоркетом (Plut., Demetr., 25). Кроме того, я не вижу оснований для утверждения, согласно которому, персонификации полисов, следовавшие за колесницей (см.: выше), олицетворяли собой членов Коринфского союза времен Александра [ср.: 18, p. 103]. В частности, отсутствуют доказательства в пользу вхождения в состав данного образования малоазиатских и значительной части островных полисов [45, с. 109–110, 158–159; ср.: 18, p. 103]. На мой взгляд, присутствие в процессии Филадельфа полисов, поработанных в свое время Ахеменидами, следует рассматривать как пропагандистский намек на новых «персов», коими александрийский властитель мог изображать враждебное ему государство Селевкидов [ср.: 46, с. 24–25]², которым в то время правил сын иранки Апамы, Антиох I [ср.: 47, p. 151; 48, p. 24–26; 49, 118–119]³.

Не представляется убедительной и попытка связать персонификацию Коринфа с балканской экспедицией, осуществленной Птолемеем в 308 г. до н. э. Как известно, данное мероприятие, несмотря на кратковременное установление птолемеевского господства над Коринфом (см.: выше), в целом завершилось провалом (Diod., XX, 37). Кроме того, в середине 270-х гг. до н. э. Коринф находился во власти сына Деметрия Полиоркета — Антигона Гоната [14, p. 269–270; 19, p. 375; 54, с. 82–83], ставшего незадолго до этого зятем и потенциальным союзником вышеупомянутого Антиоха Сотера [ср.: 55, S. 33; 44, с. 179; 53, с. 66; 14, p. 251; 49, p. 178, 194, not. 50; 52, p. 82].

Версия же об изображении на колеснице аллегорической композиции, якобы представляющей сцену, в которой Птолемей I, подобно Гераклу, выбирает между добродетелью {Арете} и пороком, как правило, вообще не принимается всерьез подавляющим большинством исследователей [ср.: 18, p. 103–104]. Причиной тому, в первую очередь, является отсутствие на колеснице собственно изображения порочности {Какиа}, долженствовавшей, исходя из истории о Геракле, противостоять присутствующей там добродетели [18, p. 104]. Кроме того, образ находящегося там же бога плодородия, Приапа, начал повсеместно ассоциироваться с сексуальной разнужданностью несколько позже описываемых здесь событий [ср.: 18, p. 107–108]. И наконец, наличие у персонификации Коринфа такого значительного атрибута, как диадема, автоматически ставит упомянутую фигуру выше каких-либо игривых или же малопристойных аллюзий, связанных с гетерами [18, p. 104–105].

Таким образом, проблема, связанная с интерпретацией композиции, представленной на колеснице, равно как и с объяснением присутствия там персонификации Коринфа, до сих пор остается нерешенной. Данное обстоятельство дает мне право рассмотреть упомянутую композицию в свете предложенной ранее гипотезы об основной причине обожествления Птолемея I родосцами. На возможность подобной взаимосвязи могут указывать ряд нижеприведенных факторов.

¹ Разумеется, в случае, если Птолемей I, вообще, имел намерение возродить Коринфский союз [ср.: 50, S. 216; 51, S. 137f anm. 34; 8, S. 177 anm. 642], в чем я лично не уверен.

² Об истоках вражды между Птолемеями и Селевкидами см.: (Polyb., V, 67; Diod., XX, 113., XXI, 1; Paus., I, VI, 8), а также: [7, p. 22–23; 8, S. 198–200; 52, p. 34–35, 37–38].

³ Подобная интерпретация представляется особенно уместной, если учесть, что как раз на середину 270-х гг. до н. э. приходится начало I Сирийской войны, в которой государство Селевкидов противостояло птолемеевскому Египту (Paus., I, VII, 1–3), см. также: [13, p. 144–149; 53, с. 69–74; 32, S. 51–57; 7, p. 38–40; 8, S. 265–271; 52, p. 81–87].

Во-первых, следует учесть, что несмотря на всю многогранность и разноплановость Великой процессии, центральной ее фигурой, равно как и основным объектом александрийских пентетерий вообще (SIG, № 390; SEG, XLIX, № 113, 55–56), был именно обожествленный Птолемей I [20, р. 100–101; 19, р. 366, 369, 378; ср.: 18, р. 182–186; 26, р. 47–81; также см. прим. 3]. Во-вторых, статуя основателя александрийской династии, водруженная на упомянутую колесницу, находилась в окружении ряда божеств (Диониса, Приапа, Геры и обожествленного Александра Великого¹ — Athen., V, 201c–d), а также сосудов (Ibid., V, 201d), вероятно предназначенных для жертвенных возлияний. Таким образом, данную композицию, скорее всего, следует рассматривать как олицетворение причастности Птолемея I к сонму небожителей. В-третьих, обращает на себя внимание присутствие рядом со статуей основателя александрийской династии изображения даймонессы Арете (Ibid., V, 201d), чьим отцом, согласно древнегреческой мифологической традиции, был некий даймон по имени Сотер (Suda {ed. Adler}, pi, 2212) [ср.: 56, р. 57–58]; при этом, следует иметь в виду, что именно эпиклесой «Сотер» (Спаситель) царь Египта был наделен благодарными родосцами наряду с божественным статусом (Paus., I, VI, 8; также см. выше)². В-четвертых, единственным «пассажиром» интересующей нас колесницы, не несущим в себе никаких божественных коннотаций, является именно Коринф. В частности, Э. Райс обратила внимание на то обстоятельство, что данная персонификация призвана была изображать собственно город, а не его одноименного героя — одного из сыновей Зевса [18, р. 108–109]³. И, наконец, в-пятых, процессия должна была продемонстрировать миру величие и процветание государства Птолемеев и могущество его властителей [ср.: 18, р. 190; 19, р. 380]; при этом, если для рядовых зрителей было достаточно таких простых и общепонятных вещей как пышные шествия, демонстрация экзотических животных, военный парад и т. д. (см. выше), то для образованных представителей полисных элит, прибывших на александрийское празднество в качестве официальных священных послов — феоров [ср. Нп: 18, р. 31–34, 150, 182–183, 190; 19, р. 369–370, 372, 378], утонченный интеллект, Птолемей Филадельф (Ael., Var. Hist., IV, 15), мог использовать более замысловатые образы и аллегии⁴.

Одна из таких аллегии, по моему мнению, и была представлена на интересующей нас колеснице⁵. Ее содержание должно было напомнить представителям полисных элит о роли Коринфа в обретении основателем александрийской династии

¹ В частности, о культе Александра Великого в Александрии см. нп: [57, с. 251–252, 310–311 прим. 271–283].

² Р. Хеззерд в ряде своих работ попытался оспорить наличие взаимосвязи между обретением Птолемеем I эпиклеса «Сотер» и осадой Родоса [58, р. 52–56; 26, р. 1–81; ср.: 10, р. 356 not. 1; 56, р. 55–56], однако К. Джонсон и К. Ю. Нефедов, на мой взгляд, привели довольно весомые контраргументы, опровергающие умопостроения вышеупомянутого исследователя [6, р. 271–273; 60, р. 102–106; 60, р. 112–116; 11, с. 118–119].

³ Об эпонимном герое Коринфа см.: (Paus., II, I, 1).

⁴ Не исключаю, что с помощью этого нехитрого приема, царь рассчитывал завоевать расположение своих знатных гостей, давая им понять, что относит их к представителям своего интеллектуального уровня. В этом же контексте не лишним будет вспомнить, что Филадельф всегда старался окружить особым вниманием и заботой высокопоставленных визитеров, прибывавших к александрийскому двору из различных государств эллинской ойкумены, таким образом бесспорно желая расширить сферу своего политического влияния. Среди упомянутых царских гостей можно назвать молодого правителя Сикиона, Арата (Plut., Arat., 11–13, 15; ср.: Cic., De Of., II, 82), а также послов боспорского царя Перисада II и аргосских феоров, посетивших Египет в 254-м г. до н. э. (P. Lond., VII, № 1973) [ср.: 8, р. 300, 302].

⁵ Во всяком случае, можно предположить, что данные аллегии были представлены на всех помостах и колесницах, относящихся к шествию в честь Диониса (ср.: Athen., V, 220b–201e), считавшегося божественным предком династии Птолемеев (ср. OGIS, № 54), а также: [19, р. 378].

божественного статуса и эпиклеса Сотер¹; а также о том, что для Птолемея, в отличие от прочих эллинистических властителей, благо союзников всегда было и остается более важным, нежели приумножение собственных владений².

ЛИТЕРАТУРА

1. *Habicht Ch.* Gotmenschentum und griechische Stäaete. — München, 1970.
2. *Hauben H.* Rhodes, Alexander and the Diadochi from 333/332 to 304 B. C. // *Historia*. — 1977. — Bd. 26.
3. *Koenen L.* The Ptolemaic King as a Religious Figure // *Images and Ideologies. Self-definition in the Hellenistic World*. — Berkeley; L. A.; Oxf., 1993.
4. *Billows R.* Antigonos the One-eyed and the creation of the hellenistic state. — (2 ed.) — Berkeley, 1997.
5. *Weber G.* Dichtung und hoefische Gesellschaft. Die Rezeption von Zeitgeschichte am Hof der ersten drei Ptolemaeer. — Stuttgart, 1993.
6. *Johnson C.* Ptolemaic Royal Titulature in Royal and Civil Documents (304–116 B. C.). Diss... Doct. Phil. — Toronto, 1994.
7. *Hoelbl G.* A History of the Ptolemaic Empire: Transl. from germ. — L.; N. Y., 2001.
8. *Huss W.* Aegypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v. Chr. — München, 2001.
9. *Wiemer H.-U.* Krieg, Handel und Piraterie: Untersuchungen zur Geschichte des hellenistischen Rhodos. — B., 2002.
10. *Paschidis P.* Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries Between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC). — Athens, 2008.
11. *Нефедов К. Ю.* Культ правителей и коронация диадохов // Из истории античного общества. — 2009. — В. 12.
12. *Mueller O.* Antigonos Monophthalmos und “Das Jahr der Koenige”. — Bonn, 1973.
13. *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.): in 2 v. V. 1. — (2 éd.). — Nancy, 1979.
14. *Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia: in III v. V. III. — Oxf., 1988.
15. *Walbank F. W.* The Hellenistic World. — (2 ed.). — Cambridge (Mass.), 1993.
16. *Зелинский А. А.* Возможная причина воздаяния божеских почестей Птолемею Сотеру родосцами // Проблемы історії та археології України. Матеріали VIII міжнародної наук. конф. (9–10 листопада 2012 року. Харків). — Х., 2012.
17. *Зелинський А. А.* Обоження Птолемея I родосцями: співвідношення заслуг і винагороди // СхСв. — 2012. — № 4.
18. *Rice E.* The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus. — Oxf., 1983.
19. *Thompson D. J.* Philadelphus’ Procession: Dynastic Power in the Mediterranean Context // *Politics, Administration and Society in the Hellenistic and Roman World* / Ed. by L. Mooren. — Leuven, 2000.

¹ Отсутствие в интересующем нас пассаже каких-либо аллюзий на Родос можно объяснить фрагментарным характером изложения Афиняя, а также тем обстоятельством, что сам Калликсен Родосский не был ни очевидцем, ни даже современником описываемых событий [ср.: 18, р. 112–110, 134–176]. В частности, не исключено, что именно персонификация полиса родосцев возглавляла шествие островных и малоазиатских городов, некогда подвластных персам (ср.: Athen., V, 201d-e).

² В этой связи стоит упомянуть, что сам Филадельф как минимум дважды дарил союзным ему полисам земельные владения. Так, в 279/278 г. до н. э. подобный подарок получил Милет (SIG, № 322; RC, № 14) [ср.: 7, р. 38; 8, S. 262], а несколько позднее — Византий (Dion. Byz., 41) [ср.: 61 S. 291–292; 62, с. 103–111].

20. *Foertmeyer V.* The Dating of the Pompe of Ptolemy // *Historia*. — 1988. — Bd. 37.
21. *Hunter R.* (ed.) *Theocritus Encomium of Ptolemy Philadelphus*. — Berkeley: L.; L. A., 2003.
22. *van Oppen de Ruiter B.* The religious identification of Ptolemaic queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis: Dis. Doct. Phil. — N. Y., 2007.
23. *Mori A.* Piety and Diplomacy in Apollonius' *Argonautica* // *Ptolemy II Philadelphus and his World* / ed. P. McKechnie, Philippe Guillaume. — Leiden; Boston, 2008.
24. *Constantakopoulou C.* Identity and resistance: The Islanders' League, the Aegean islands and the Hellenistic Kings // *Mediterranean Historical Review*. — 2012. — № 1.
25. *Dreyer B.* Der Beginn der Freiheitsphase Athens 287 v. Chr. und das Datum der Panathenaen und Ptolemaia im Kalliasdekret // *ZPE*. — 1996. — Bd. 111.
26. *Hazzard R.* Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda // *Phoenix*. — (suppl.). — 2000. — V. 37.
27. *Mueller S.* Das hellenistische Koenigspaar in der medialen Repraesentation: Ptolemaios II. und Arsinoe II. — B.; N. Y., 2009.
28. *Laubscher H.* Ein ptolemaisches Gallierdenkmal // *Antike Kunst*. — 1987. — Bd. 30.
29. *Cavagna A.* L'oro dei Theoi Adelphoi // *Nova vestigia antiquitatis*. — 2008. — Quaderni di Acme. 102.
30. *Bennett Cb.* Three Notes on Arsinoe I // *A Delta-Man in Yebu* / Ed. A. Eyma, Ch. Bennett. — Parkland, 2003.
31. *Teixidor J.* Ptolemaic Chronology in the Phoenician Inscriptions from Cyprus // *ZPE*. — 1988. — Bd. 71.
32. *Winnicki J.-K.* Operacje wojskowe Ptolemeuszów w Syrii. — Warszawa, 1989.
33. *van Oppen de Ruiter B.* The Death of Arsinoe II Philadelphus: The Evidence Reconsidered // *ZPE*. — 2010. — Bd. 174.
34. *Carney E. D.* *Arsinoe of Egypt and Macedon: A Royal Life (Women in Antiquity)*. — Oxf., 2013.
35. *Nachtergaeel G.* Les Galâtes en Grèce et les Sôtéria de Delphes. — Bruxelles, 1977.
36. *Heinen H.* The Syrian-Egyptian Wars and the new kingdoms of Asia Minor // *The Cambridge Ancient History*. — 1984. — Vol. VII. — Part. 1.
37. *Mastrocinque A.* "Guerra di successione" e Prima guerra di Ceesiria un falso moderno e una questione storica // *Ancient society*. — 1993. — V. 24.
38. *Buraselis K.* The problem of the Ptolemaic Sibling Marriage: a Case of Dynastic Acculturation? // *Ptolemy II Philadelphus and his World*. — Leiden; Boston, 2008.
39. *Tarn W. W.* The Dedicated Ship of Antigonos Gonatas // *JHS*. — 1910. — V. 30.
40. *Tarn W. W.* Two Notes on Ptolemaic History // *JHS*. — 1933. — V. 53.
41. *Barbantani S.* Ideologie royale et litterature de cour dans l'Egypte lagide // *Des Rois au Prince. pratiques du pouvoir monarchique dans l'orient hellénistique et romain (IVe siècle avant J.-C. — IIe siècle après J.-C.)*. — Grenoble, 2010.
42. *Seibert J.* Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. — München, 1969.
43. *Buraselis K.* Das hellenistische Makedonien und die Aegaeis: Forschungen zur Politik des Kassandros und der drei ersten Antigoniden im Aegaeischen Meer und in Westkleinasien. — München, 1982.
44. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма: пер. с нем. — М., 1982.
45. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский: пер. с нем. — М., 1984.
46. *Зелінський А. А.* Епіграми Посидіппа у контексті птолемеївської пропаганди // *СхСв*. — 2005. — № 4.
47. *Grainger J.* Seleukos Nikator. Constructing a Hellenistic Kingdom. — L.; N. Y., 1990.
48. *Sherwin-White S., Kubrt A.* From Samarkhand to Sardis: A new approach to the Seleucid empire. — Berkeley; L. A., 1993.

49. *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. — L.; Swansea, 1999.
50. *Lenschau T.* Alexander der Grosse und Chios // *Klio*. — 1940. — Bd. 33.
51. *Lehmann G.* Der Lamische Krieg und die Freiheit der Hellenen: Ueberlegungen Zur Hieronymianischen Tradition // *ZPE*. — 1988. — Bd. 73.
52. *Grainger J.* The Syrian Wars. — Leiden; Boston, 2010.
53. *Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. — Казань, 1980.
54. *Кузьмин Ю. Н.* Кратер — брат царя Антигона: биография на фоне эпохи // *Античный мир и археология*. — Саратов. — 2006. — Вып. 12.
55. *Seibert J.* Historische Beitrage zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. — Wiesbaden, 1967.
56. *Marquaille C.* The Foreign Policy of Ptolemy II // *Ptolemy II Philadelphus and his World* / ed. P. McKechnie, Philippe Guillaume. — Leiden; Boston, 2008.
57. *Зелінський А. А.* Александрійські фараони та їхні піддані. Зміцнення влади перших Птолемеїв. — К., 2010.
58. *Hazzard R.* Did Ptolemy I get his Surname from the Rhodians in 304? // *ZPE*. — 1992. — Bd. 93.
59. *Johnson C.* Ptolemy I's Epiklesis Soter: Origin and Definition // *Ancient History bulletin*. — 2000. — № 3.
60. *Johnson C.* "OGIS" 98 and the Divinization of the Ptolemies // *Historia*. — 2002. — Bd. 51.
61. *Vinogradov Ju. G.* Der Staatsbesuch von "Isis" nach dem Bosporos // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. — 1999. — № 4.
62. *Габелко О. А.* История Вифинского царства. — СПб., 2005.

Резюме

Зелінський А. А. Ще раз про Коринф і запровадження культу Птолемея I на Родосі

У цій статті я продовжую розвивати гіпотезу про існування взаємозв'язку між обожненням царя Єгипту, Птолемея I Сотера, родосцями і передачею ним міста Коринф володареві Македонії, Кассандру. Новий доказ на користь цього припущення знайдено мною у розповіді Калліксена Родоського про так звану Велику Процесію, яку син і наступник Сотера, Птолемей II Філадельф, влаштував на честь обожненого батька. Зокрема, на існування зазначеного взаємозв'язку може вказувати повідомлення Калліксена про певну алегоричну композицію, до складу якої входили персоніфікація Коринфу і оточена небожителями статуя Птолемея (Athen., V, 201c—d).

Ключові слова: Елліністичний Єгипет, Птолемей Сотер, Птолемей Філадельф, Коринф, Пентетерії, обожнення.

Резюме

Зелинский А. А. Еще раз о Коринфе и учреждении культа Птолемея I на Родосе

В этой статье я продолжаю развивать гипотезу о существовании взаимосвязи между обожествлением царя Египта, Птолемея I, Сотера родосцами и передачей им Коринфа властителю Македонии, Кассандру. Новое доказательство в пользу этого предположения найдено мною в рассказе Калликсена Родосского о так называемой Великой Процессии, устроенной сыном и преемником Сотера, Птолемеем II Филадельфом, в честь обожествленного отца. В частности, на существование упомянутой

взаимосвязи может указывать сообщение Калликсена о некоей аллегорической композиции, в состав которой входили персонификация Коринфа и окруженная небожителями статуя Птолемея (Athen., V, 201 с—d).

Ключевые слова: Эллинистический Египет, Птолемей Сотер, Птолемей Филадельф, Коринф, Пентетерии, обожествление.

Summary

A. Zelinskyi. Again on Corinth and Establishment the Cult of Ptolemy I on Rhodes

In this article I continue to develop my hypothesis of interrelation between the divinization of the king of Egypt Ptolemy I Soter by Rhodians, and Ptolemy's transfer of Corinth to the governor of Macedonia, Cassander. The new proof in favour of this assumption was found by me in the account by Callixenus of Rhodes, on the so-called Great Procession arranged by the son and successor of Soter, Ptolemy II Philadelphus, in honour of his divinized father. In particular, should be noted one record of the allegorical composition, which had included personification of Corinth and the statue of Ptolemy, surrounded by deities (Athen., V, 201c—d).

Key words: Hellenistic Egypt, Ptolemy Soter, Ptolemy Philadelphus, Corinth, Penteteris, divination.

